ГАЗЕТА РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
“ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ”
НАШ САЙТ: denlit.ru
ЭЛЕКТРОННЫЙ АДРЕС:
denlitera@yandex.ru

К Р И Т И К А

ГАЗЕТА РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
“ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ”
№ 9(251) – 2017

Заметки на полях книги Сергея Шаргунова "Катаев. Погоня за вечной весной"

Евгений КОНЮШЕНКО
Писатель и его репутация

*К*атаев лучше, чем о нём говорили и писали, лучше – честнее, отважнее, правдивее, великодушнее, человечнее. Не говоря уже о его удивительном художественном даре, отрицать который не смели даже самые злобные его хулители и ненавистники.

В этом хочет убедить Сергей Шаргунов читателей своей книги. И, надо признать, в целом ему удаётся это сделать.

Катаев сформировался во время страшной российской смуты, гражданской войны, которая продолжалась не несколько лет, а несколько десятилетий. Это было то, что можно назвать "bellum omnium contra omnes" – война всех против всех. А можно ли иметь адекватную репутацию в состоянии тотальной войны?

Но сначала была Первая мировая, на которой Катаев был ранен. А затем Гражданская, на которой он мог погибнуть в самом начале пути. В 1920 году будущий классик советской литературы, "гертрудовец" (т.е. Герой Социалистического Труда), награжденный наивысшими советскими орденами, оказался, будучи связанным тогда с белогвардейской организацией, в застенках одесской Чека. И ждал казни, казавшейся неизбежной…

Какой поворот фантастической российской истории, которая могла быть тогда фантастичней всякой фантастики!

Об ужасе предсмертных ожиданий, о своём чудесном спасении и кошмарно-фантасмагорической атмосфере этого времени он сможет рассказать только в конце жизни в повести "Уже написан Вертер". Первоначально повесть называлась "Гараж", поскольку чекисты в Одессе расстреливали при звуках работающих автомобильных двигателей, чтобы заглушить звуки выстрелов и крики жертв…

Это событие – смертельная угроза и чудесное спасение – во многом определило его последующую жизнь, его судьбу, его поведенческие установки, стало его инициацией, его вступлением в новую жизнь в новой России. Чтобы по-настоящему оценить жизнь, нужно прикоснуться к смерти.

А в наши дни и воздух пахнет смертью. *"Открыть окно что жилы отворить",* – написал в 1919 году поэт, которого Катаев процитирует в заглавии своей повести "Уже написан Вертер".

Это был опыт катаевского поколения, попавшего в страшный переплёт войн, революций, бандитизма, голода, тифозного и гриппозного мора (от "испанки" в России погибло около 3 млн. человек, 3,4% населения страны, столько же и от "сыпняка", которым, кстати, переболел и Катаев).

Тот ураган прошёл. Нас мало уцелело.
На перекличке дружбы многих нет.

Это скажет в 1924 году поэт, которого Катаев изобразит под "ником" "королевич" в своей повести "Алмазный мой венец". И он же добавит:

Кого позвать мне? С кем мне поделиться
Той грустной радостью, что я остался жив?

Но радость Катаева, что он остался жив, была отнюдь не грустной, а фонтанировала творческим весельем, остроумием, художественным новаторством и плодовитостью. То цветение "вечной весны" после выхода из чекистского "гаража" уже никогда не оставляло его. Это было настроение всего литературного "юго-запада", пришедшего в начале 20-х в Москву. Если не погибли тогда, в те адские годы, нужно жить здесь и сейчас, и жить хорошо и радостно! Жить и писать! Творчески и человечески состояться и воплотиться. Это был пафос поколения. Были, конечно, и другие настроения. Но и это тоже было. Остап Бендер это в некотором смысле обобщенный образ этого поколения. Чтобы выжить, а тем более – преуспеть, нужно было хоть немного походить на сына "турецко-подданного". Многие современники считали самым реальным прототипом Остапа именно Вал. Катаева.

"Что-то всеми навек утрачено", – тосковал упомянутый выше поэт. Но при этой утрате, распаде старого и упрощении жизни высвобождалась колоссальная энергия, породившая этот удивительный культурный феномен России 20-х гг.

В 30-е эту творческую энергию попытаются утилизировать в "государственных" целях. Литература должна была стать государственно полезной. Катаев с успехом прошёл и это испытание, написал "Время, вперёд!". В "Золотом телёнке" Остап оказывается в поезде с советскими журналистами, спешащими на очередную великую стройку. Стройка Остапа не интересует, он едет на встречу с Корейко, чтобы получить свой вожделенный миллион. Но, как известно, талантливый человек талантлив во всём. Он может удивить и советских журналистов ("Вы – профессионал пера!"). В отличие от Остапа Катаев сразу понял, на каком поприще он сможет выжить, воплотиться и даже преуспеть, получить свой "миллион" без шантажа подпольных миллионеров. И при этом ни единой долькой не отступиться от своего лица художника.

Андрей Платонов, условно говоря, этого испытания не выдержал, он написал "Котлован", т.е. то, что

никак не устраивало официального заказчика. Но это не отменяет и того, что сделал Катаев. Книга Катаева была талантливой хотя бы в отношении формы, здесь можно согласиться с Шаргуновым. Но ближе к исторической истине оказался всё же Платонов, хотя оценить это в полной мере смогли не современники, а только потомки. Уже тогда автор "Усомнившегося Макара" усомнился сам: а так ли уж вперёд двинулось его время? Но здесь, видимо, и проходит граница между талантом, который вынужден приспосабливаться, и гением, который идёт до конца.

Не будем забывать и том, что приспосабливаться Катаева принуждало его социальное положение и жизненный опыт человека, чудом вышедшего живым из чекистского "гаража". Для Платонова эта революция была своя, для Катаева эта революция была чужая. Однако же, "чужой" Катаев воспел эту революционную сталинскую индустриализацию, а "свой" Платонов в ней почему-то усомнился. Что бы это значило? Может быть, то, что "чужой" Катаев работал по найму, а "свой" Платонов писал от души?

Конечно, немаловажным был и "региональный" фактор происхождения Катаева, южанина-средиземноморца, до конца жизни сохранившего свой одесский акцент. Одесса, одесская жизнь, одесское детство, исчезающие, исчезнувшие реалии старой южной России – это важнейшие темы его творчества. И на этом поле, может быть, больше всего ему выпало творческих удач. Хорошо написать можно лишь о том, что по-настоящему любишь и знаешь.

Причём Одесса Катаева это не Одесса Бабеля. Эти одесситы принадлежали к разным мирам и видели этот город слишком по-разному, по-своему. Лично мне больше по душе Одесса Катаева, как, впрочем, и Одесса Бунина и Куприна. Одесса ведь была важна и для Пушкина, которую он любил, может быть, не меньше Петербурга.

На некоторых фото уже пожилой Катаев как-то неожиданно похож на Роберта де Ниро. Средиземноморская соль проникла в кровь и изменила плоть и даже лицо… Хотя урожденным одесситом он был только в первом поколении…

Эту линию *русского* литературного средиземноморья с её творческой раскованностью, природным весельем и остроумием, жизнелюбием и оптимизмом, сюжетной динамикой Катаев хотел продолжить в молодом "оттепельном" поколении русских авторов. Писатель, которому было уже под 60, открывает в 1955 году новый журнал "Юность". Прав Шаргунов: солнечная энергия "вечной весны" била из него ключом. Открылся, а точнее, развернулся во всю ширь его талант литературного организатора или, как сказали бы сейчас, менеджера (тираж журнала доходил до 1 млн. экз.).

Но начались опять проблемы. И средиземноморская, и аттическая соль советской литературе была или подозрительна, или просто не нужна. Вот сочинить толстенную "опупею" про жизнь правильных мужиков, встающих горой за советскую власть, это дело другое. На этом можно было сделать литературную карьеру и стать литературным начальником. И делали ведь, и становились…

Оставался на своём месте и чекистский "гараж". Куда же без него… Действовал он, правда, уже не так страшно и жестоко, как в 20-м году и в другие печально известные годы российской истории 20-го века, но, однако же, действовал.

Автор "Юности" и любимец Катаева, замечательно талантливый Анатолий Кузнецов только в эмиграции смог рассказать, как работники "гаража" принуждали его к "сотрудничеству", т.е. к стукачеству. Литературная судьба его была разрушена. В эмиграции он ничего не написал, но и жить и работать в стране, где его принуждали к т*акому*, он не мог. Его "роман-документ" "Бабий Яр", издать который полностью, без купюр, ему удалось только в эмиграции, продолжал линию шаламовской прозы. Хотя не очень понятно, осознавал ли эту преемственность сам Кузнецов.

Проблема была ещё и в том, что люди, казалось бы, одного творческого настроя, одних взглядов оказались не способны к прочному творческому содружеству. Для историка литературы здесь очень любопытен казус несостоявшегося журнала "Лестница".

В 1971 году Евгений Евтушенко, обратившись к Брежневу, добился, как он надеялся, издания нового журнала "Лестница", в редколлегию которого должен был войти и Катаев. Однако Катаев вместе с Василием Аксёновым и Андреем Вознесенским своим заявлением в Союз писателей дезавуировали это решение об издании нового журнала. Евтушенко был поражён и уязвлён, написал по этому случаю довольно злую басню "Волчий суд" с оскорбительными выпадами в адрес Катаева. О мотивах этого поступка Катаева мы можем лишь догадываться, свою басню в ответ Евтушенко он не написал. Но вряд ли дело только в элементарной зависти и в недовольстве лидерским положением автора "Братской ГЭС".

Головокружительная, фантастическая литературная карьера покойного Евтушенко состоялась благодаря не только его огромному таланту и энергии. Евтушенко был государственным поэтом, его карьера создавалась государством. Государство использовало его в своих целях. В этом смысле он был, конечно, больше, чем поэт. Гораздо больше…

Некоторые цели были понятны и созвучны его поколению: возвращение к ленинскому курсу, что вызвало обильную литературную лениниану 60-70-х гг. (у Евтушенко, кроме "Казанского университета", особенно любопытна "Ярмарка в Симбирске" из "Братской ГЭС", где "яснолобый" мальчик-гимназист Володя Ульянов вытаскивает из грязной лужи пьяную русскую бабу; мораль этой картины выражала настроение этого времени и определённой среды, к которой принадлежал поэт: Россия до Ленина валялась в грязи, и только Ленину удалось её из этой грязи вытащить; на этот заказ, кстати, откликнулся (но, конечно, очень по-своему!) и Катаев, написал "Маленькую железную дверь в стене"; давно не перечитывал эту повесть, но своё юношеское впечатление помню: о себе Катаев говорит здесь не меньше, чем о Ленине; и вообще, Ленин был для него совсем не то, что для Евтушенко и Вознесенского). Понятна и созвучна была и борьба за мир ("Хотят ли русские войны?") и т.д.

Понятно и то, что Евтушенко был пиар-проектом Советского Союза, он создавал положительный образ своей страны по всему миру. Вполне вероятно, что исполнял он и какие-то другие, совсем не известные нам государственные поручения.

Когда Евтушенко с большой актёрской выразительностью провозглашал с эстрады: *"Я делаю себе карьеру Тем, что не делаю её!"* – он был по-своему прав. Карьеру он делал не сам, карьеру эту делали ему. В отличие от Катаева, который сам боролся за своё выживание и преуспевание. Здесь, может быть, и проходит граница между этими писателями, объясняющая поступок Катаева.

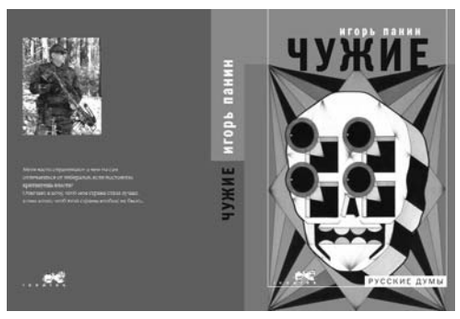
На Катаева современники вылили очень много грязи. Не то чтобы книга Шаргунова совсем радикально изменила к лучшему репутацию этого писателя. Но очень большой и нужный шаг в этом направлении, безусловно, сделан.

О книге Игоря Панина "Чужие"

Юрий БАРАНОВ
Прицельный огонь

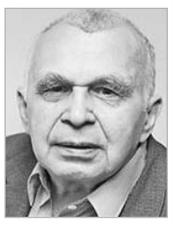
*"М*еня часто спрашивают: а чем ты сам отличаешься от либералов, если постоянно критикуешь власти? Отвечаю: я хочу, чтобы моя страна стала лучше, а они хотят, чтобы этой страны вообще не было…" – так автор книги изложил суть своей позиции. Лучше и не скажешь. Столь же красноречиво и название сборника. Он отсылает нас к памятному американскому фильму о кровожадных и чрезвычайно живучих космических чудовищах. Книга Панина даёт возможность за "прилизанными фигурами" (термин Чернышевского) шендеровичей и улицких увидеть клокочущих русофобской ненавистью чужаков. Заметим, что издательство поместило на первой странице обложки стилизованное изображение инопланетянина. А на тыльной стороне обложки – фотография автора в камуфляже и с взведенным арбалетом (не будем забывать, что Панин – не только литератор, но ещё и охотник). Получилось стильно, символично и доходчиво.

*И*горь Панин включил в книгу о чужаках свои статьи из "Литературной газеты", "Литературной России", "Свободной прессы" и других СМИ. "Здесь преимущественно полемические и резкие материалы, вызвавшие когда-то споры и дискуссии, получившие некий резонанс. Это лишь небольшая часть из написанного и опубликованного мною в последние годы. Но именно такой – жесткой и в некотором роде скандальной – задумана данная книга", – говорит он в одном из интервью, посвящённых выходу сборника. И надо признать, что задумка удалась. Тут вам и статьи о подноготной литпроцесса, и нападки на литначальство, и выпады против "литзвёзд", и взгляд на устоявшиеся мнения под иным, панинским углом. "А был ли Пушкин негром?" – задаётся он вопросом в одноимённой статье. Начинаешь читать данный текст и не можешь оторваться. Да, действительно, уже одна только эта статья, некогда опубликованная в "Литературной газете" и наделавшая немало шуму, способна выделить книгу из общего ряда. А сколько ещё неординарных материалов в этом 400-страничном томе! Тут не только о литературе, но и о политике, об истории, о социальных вопросах.



Есть в книге и отдельный раздел, который составляют избранные панинские заметки из Фейсбука. И на это следует обратить особое внимание. Думаю, Панин правильно поступил, опубликовав их в бумажном виде. Ведь он пишет не о "светских" новостях, под которыми у нас подразумеваются главным образом перепаривания эстрадных старлеток, а о серьёзных, мучительных проблемах нашей жизни. Со времен Розанова краткие писательские заметки на особом счету у читателей. Только вот не все литераторы могут достойно работать в этом довольно-таки сложном жанре. А Панин может. Поэтому и читать его интересно.

Автор привлекает внимание к негативным, вплоть до нацистских, высказываниям некоторых литераторов и деятелей культуры о русском народе, русском менталитете, русской культуре, русской истории. Не имея желания упоминать имена таких "деятелей", отмечу лишь запись о покойном молдавском актёре Михаиле Волонтире, который в 90-е годы призывал гнать в шею русских "оккупантов" из Молдавии. Но когда он заболел, то помогли ему не в Молдавии и не в Румынии, а именно в России. И сколько же их было таких! Взять хотя бы армянскую поэтессу Сильву Капутикян – донельзя обласканная и прославленная советской системой, она вопила в перестройку: "Я развалю эту страну!" – я слышал собственными ушами.



Но не только о писателях и артистах говорится в книге "Чужие". Автор приводит немало фактов наглого поведения мигрантов из бывших советских республик, хлынувших в ненавистную им Россию. Хлынувших сюда, чтобы паразитировать, гадить и бандитствовать. Это и дети кавказских спекулянтов, давящие прохожих на российских улицах своими автомобилями, и полудикие "врачи", купившие дипломы на восточных базарах и считающие нормальным подходить к больным, не сняв пальто и не вымыв руки, и звероподобные башибузуки, чуть что выхватывающие ножи и пистолеты. А власть… власть умоляет нас быть толерантными, "не разжигать", "не обострять", власть и не думает применять к агрессивным пришельцам пресловутую 282-ю статью; по ней в России в основном сажают именно русских.

Панин показывает, что сложившаяся система, при которой господствует двойной стандарт – строгость по отношению к русским и попустительство к правонарушениям со стороны нерусских, – произрастает из советских времён. Он пишет: "Разумеется, коммунисты второй половины XX века, генсеки и члены Политбюро не планировали специально: "А давайте-ка мы русским жизнь ухудшим. Пусть живут хуже грузин, прибалтов, всех остальных". Тем более что и ухудшать было некуда. Но я не могу представить, чтобы они говорили на своих посиделках: "А давайте-ка мы русским жизнь улучшим. Пусть живут хотя бы не хуже остальных". Вот этого уж точно не было и быть не могло". И тут тоже нельзя с ним не согласиться. Все мы помним, какая жизнь была в советское время в РСФСР, и как жировали некоторые союзные республики, имея кучу привилегий. Здесь ведь нет секрета, хотя говорить об этом почему-то не принято. И наверняка многим не понравится то, что пишет Игорь Панин. Но что поделать, если у человека такая позиция?

И как быть с тем, что он, в общем-то, прав?

О книге Исайи Берлина "История свободы. Россия"

Валерий СКРИПКО
"Новое Евангелие", *или* Подарок для Антихриста

*О*дин из основателей современной либеральной политической философии – Исайя Берлин создал книгу под названием "История свободы. Россия", которая вышла на русском языке в 2014 году. С первых страниц Берлин заявляет, что в России он представляет интеллигенцию, которая "видит себя посвящённой в некий орден". Это "пастыри в миру, назначенные нести особое понимание жизни, своего рода, новое евангелие". Кем "назначенные" – не уточняется, но можно догадаться, что это очень влиятельные силы. В отличие от Евангелия истинного, где Господь смотрит на нас глазами любящего Отца, пастор "нового евангелия" смотрит на нас глазами чужака и атеиста…

Интересно, что почти в одно время с Берлиным, в Англии жил писатель более старшего поколения – Стивен Грехем. Ещё в молодые годы, в разгар русофобии в Англии, Грехем увлёкся русской культурой и поставил перед собой цель – понять Россию и загадочную русскую душу. В отличие от Исайи Берлина, который встречался только с московской творческой интеллигенцией, Стивен Грехем странствовал с нашими паломниками по святым местам, ходил пешком по Руси. В своих материалах о предреволюционной России писатель представлял русских – как носителей подлинной веры, людей патриархальных и миролюбивых. Вот как надо изучать Россию! И усилия стоят того, потому – что многое в нашей истории ещё надо понять и осмыслить. Не перестаёшь удивляться: столько удалось сделать, и какие были замыслы!

После крещения Руси началось формирование русской нации на византийском религиозном наследии. Результат обещал быть уникальным. Но… силы Небесные словно решили отложить осуществление этого проекта на неопределённое время, дав совершиться татаро-монгольскому нашествию. Историк Сергей Сергеев в своей недавно выпущенной книге "Русская нация" высказал мнение, что "русской нации вместо "взрослой жизни" на столетия был предписан "абсолютный патернализм". <…> Христианский, европейский по культуре своей народ стал главным материальным и человеческим ресурсом для антихристианской по своей сути "азиатской государственности"".

Но кто знает пути Господни? Не зря же было дано нам такое великое испытание. Может, с нашим национальным максимализмом, мечтательностью и очень искренним отношением к вере (вспомним протопопа Аввакума, Сергия Радонежского) мы и без ужасного азиатского нашествия – всё равно не стали бы "взрослым народом" с европейской государственностью? Господь готовил нас к какой-то другой миссии. Это невольно приходит на ум, если сравнить судьбы двух современников далёкого от нас 14-го века – русского Сергия Радонежского и итальянца Франческо Петрарки. Отец Сергий с каждым днём своей праведной жизни приближается к Богу, и вместе с ним начинала двигаться в том же направлении вся духовная Русь того времени.

В это время в Европе начал формироваться совершенно другой тип менталитета с быстрым развитием личностного начала, стремлением выделить своё индивидуальное "я" из общего "мы", с умением ценить и отстаивать духовную, интеллектуальную, нравственную независимость, бороться за гражданские права и свободы личности. Судя по всему, историк Сергеев менталитет именно с такими качествами – считает "взрослостью". Но это как посмотреть! Где больше мудрости: или в "детскости" истинно верующего, который может заслужить вечную жизнь, или во "взрослости" – расчётливого материалиста, который будет очень скоро забыт и на Земле и на Небе? Каждый решает сам, что ему ближе!

Европейскому человеку Создателем была уготована "миссия" – раскрыть весь потенциал человека природного, земного. Ещё никто и нигде в мире так ярко не сочинял стихи о земной любви к женщине, как Петрарка, не писал картины, как Леонардо да Винчи. Историк живописи Возрождения Джорджо Вазари свидетельствует, что Леонардо однажды написал кистью и красками целую галерею животных и насекомых, которые выглядели, как живые. Могучие творческие силы были в это время дарованы европейцу, и забыл он о своей испорченности, о которой ему так долго напоминал Ветхий Завет. Речь там шла об испорченности – *духовной*, которую не исправишь внешним блеском лучших произведений искусства, которая лечится смирением и соблюдением заповедей Священного Писания. Но так много талантов в это время было дано человеку, что поверил он в свою духовную непогрешимость. Закружилась голова от мысли, что не может он не быть любим Богом, если ему столько дано!

Наш Сергий Радонежский думал и жил совсем иначе. Пока в Италии гении живописи и скульптуры упивались своими возможностями, на Руси, в глухих лесах, стучали топоры и позванивали пилы. Началось строительство монастырей. Они стали религиозными и духовными центрами для всего народа. Читая тексты о жизни отца Сергия, всё время сожалеешь, что не дано нам было запаса времени в пять или шесть веков, чтобы вот так неспешно, по лесам и рекам настроить скитов и церквей, вольных городов вроде великого Новгорода, где смирением и молитвой приобрести Богомыслие и Боголюбие, обустроить свой особый быт. Явно под эту миссию создавался наш национальный характер. Явно от него – родилась наша община, наша патриархальная семья. Но, как писал Маяковский: кто-то "смазал карту будня, плеснувши краску из стакана". Вместо неспешного воцерковления – обрушилась на нас агрессия инородцев. Лучшие люди нации стали превращаться в рабов, приспосабливаться, выживать любой ценой, в том числе и ценой предательства в отношении народа и веры.

В чём можно согласиться с современным историком Сергеем Сергеевым, так это в том, что за два с половиной века жизни под татаро-монгольским игом мы не приобрели необходимые навыки самоорганизации и конкурентоспособности. И даже растеряли то, что имели и умели!

Вслед за татаро-монголами пришли многочисленные "пасторы" и масоны, которые любой ценой пытались свернуть нас того пути, который начал отец Сергий Радонежский, протопоп Аввакум, Серафим Саровский… Настойчивость пришельцев из западного мира была просто сатанинской…

Князя мира понять можно. Истинно верующий человек неудобен для его "слуг", управляющих миром. В любой момент возможен бунт совести против "хозяина". Лучше сформировать мировоззрение подданных таким образом, чтобы в нём всего было понемножку: веры, расчёта, материальных потребностей.

Как отмечал в своей книге "Россия. Век двадцатый" Вадим Кожинов: четыре пятых всех российских монастырей было уничтожено в последней трети XVIII века. "Это был сокрушительный удар по всей исторической системе религиозно-нравственного воспитания русского народа. Роль суррогата церкви в дворянском (отчасти купеческом) обществе времён Екатерины (Второй, конечно, – *В.С.*) стали играть масонские ложи".

Вадим Кожинов убедительно доказал, что с екатерининских времён Россия перестала жить "своим умом", правильно осознавать свой исторический путь, правильно строить государственную политику, исходя из особенностей нашего менталитета.

Наши привилегированные классы – дворяне – до того доигрались в "просвещённую Европу", что потеряли духовную связь с Православием, а заодно и с другими сословиями. Исайя Берлин был уверен, что просвещённый Запад к концу 19-го века одержал идейную победу в России. Он пишет, что "русских освободили великие немецкие метафизики. Они сняли с них цепи… догм православной церкви…".

На самом деле, что западные "пасторы с нас действительно сняли, так это "цепи" коллективной совести и ответственности за страну. В начале двадцатого века политические силы, представляющие разные слои населения, разошлись в разные стороны, бросив на произвол судьбы царя и весь институт Самодержавия, Церковь да и саму Россию!

Как известно, Иисус Христос пришёл с проповедью, прежде всего, к рыбакам, чтобы сделать их "ловцами человеков". Новый Завет был обращён также ко всему роду человеческому. "Особый орден" шёл проповедовать своё "евангелие" только к богатым бездельникам, живущим трудом остального работающего населения…

"Пастор" Исайя Берлин в своей книге приводит мнение Льва Толстого, который сомневался: "достойны ли писания дворян занимать ум серьёзного, здорового существа – крестьянина, добросовестного рабочего, нравственно не испорченного человека"? Наш гений знал точно: в деле обновления России – ставку можно было делать только на здоровые инстинкты и нравственные понятия человека созидающего, человека-труженика, который живёт в гармонии с природой.

"Пастор" богачей – не может с этим согласиться. После Второй мировой войны Исайя Берлин приехал в Россию и, как истинный эстет, был очень недоволен советскими героями, которых в большевистской печати пропагандировали как образец нового человека! В своей книге гость страны Советов пишет, что "совершителями великих деяний, от которых зависит успех всех пятилетних планов" были "примитивные, стандартные люди: энергичный, способный, решительный, бесхитростный инженер…".

У "нового евангелиста" от советской действительности – хаос в голове. Он привык иметь дело с решительными людьми, но хитрыми. Хотя для России этот вариант явно не подходил: хитрые и изворотливые – вместо выполнения пятилетних планов, спасших нас от агрессии Запада, устроили бы, скорее всего, "распил" и вывоз капитала в страны Запада. (С начала 90-х годов и до сегодняшнего дня российские "хитрые" очень убедительно доказывают, что они умеют только грабить Россию.)

Вряд ли Берлин, хорошо зная русскую классическую литературу, не смог себе представить последствия утверждения "либеральной" свободы в России. Но так сильно хотелось распространить влияние своего "ордена" на часть советской интеллигенции, что он не стеснялся в своей книге рассыпаться, например, такими высокопарными тирадами: "Если бы политический контроль стал слабее и деятелям искусства дали бы больше свободы… в таком обществе вполне может возродиться великолепное созидательное искусство". Непонятно: для чего больше свободы? Для создания нового государства и нового человека – свободы и так хоть отбавляй!

Кажется, "пастор" точно знает, что "отпущенный на волю" творческий человек непременно создаст что-то гораздо более полезное, чем он создал бы в шумной рабоче-крестьянской среде, которая пыталась созидать новую коллективную форму жизни. Правда, опять неизбежен вопрос: для кого совсем "освобождённый" творец создал бы "более полезное"? Для самовлюблённых одиночек? Или для "особого ордена" европейской интеллигенции, которая начала создавать свой духовный мир наподобие "Сада" древнего Эпикура?

В "сад" попадали только небожители, которые услаждали хозяев этого заведения утончёнными фантазиями своего одинокого творчества. В каждом произведении искусства обязательно есть идеология, независимо от воли его создателя. Что творец любит и ценит, то и отпечатывается в его подсознании, а потом и в творении.

После визита в Страну Советов в 1946-м году, Исайя Берлин даже готов положительно оценить некоторые изменения в социальном самочувствии советских писателей. "На тебя смотрят как на значительное лицо, чьё поведение много значит, твоё развитие в правильном направлении исключительно важно для твоих идейных руководителей… Это стимулирует больше, чем пренебрежение к своим собратьям на Западе".

Берлин решительно не приемлет "советский проект", но не говорит об этом прямо. А зря! Это было бы честнее. Почему "правильное развитие" нужно только для того, чтобы выслужится перед "идейными руководителями? Западный "пастор" словно забыл, что в этом заинтересовано всё советское общество. И писатель является значительным лицом именно потому, что он ищет духовные пути такого развития, и в этом поиске духовно совпадает с народом. Но в случае с британским "пастором" – всё, как в народной пословице: у гулящей свекрови – и невестка всегда гулящая. Не верит "пастор" в искренность творческих поисков советских писателей, потому что не понимает преимуществ коллективистских форм жизни. Очевидно, по его понятиям – миром должны править только такие, как он!

В своё время Пушкин писал: "Греческое вероисповедание, отдельно от всех прочих, даёт нам особенный национальный характер. В России влияние духовенства столь же благотворно, сколь пагубно в землях римско-католических".

Русский философ В.В. Бибихин утверждал, что философия – не часть культуры, а трансцендентный фон культуры, невидимая, незаметная почва для культуры. Так вот, под российскую культуру была завезена чужая философская почва и на ней в виде культуры стало вырастать что-то не очень европейское и не совсем русское, а главное, малоэффективное в плане создания из таких людей развитого сильного общества и государства. Иначе и быть не могло! Разве можно органично соединить православное религиозное воспитание и европейский гедонизм, возведённый в культ; европейскую многовековую привычку больше доверять уму, чем сердцу, – и языческое богатство чувств, искренность, стихийный максимализм русского человека?

Попробуй, внуши "пасторам особого ордена" мысль наших славянофилов, что российское общество и церковь – есть некое мистическое тело, которое составлено из истинно верующих в поколениях прошлых, настоящих и ещё не рождённых? Не поймут, не ощутят сердцем.

Современные социологи придумали термин "коллективная душа", который больше всего подходит для российского общества. Так вот, эта коллективная душа может по-настоящему раскрыться только в условиях единства в вере, в патриотизме, в масштабных целях развития.

Конфликт между гармоничным человеком труда и сословием бездельников, присвоивших себе львиную долю всех богатств мира, носит глобальный метафизический характер. Но "пасторы" всячески пытаются замолчать вопрос о метафизике. Уже года два, в самых разных изданиях российские публицисты, учёные, писатели поднимают вопрос о том, что им не на что опереться. Из-под ног ушла та самая "философская почва культуры", о которой так верно говорил философ В.В. Бибихин.

А вот Владимир Варава заметил, наше "стадо" (то есть самая активная часть российского населения) осталось без философов – этих "пастухов бытия". Сегодня стадо стало умным, оно захотело пожить по своей "глупой воле", "свободно", без "метафизического принуждения не понимая, что, освобождаясь от философского поиска истины, оно попадает в рабство к мелочной обывательской бессмысленности".

Диагноз точный, но безотрадный. Это единство может быть достигнуто только совместными усилиями церкви и интеллигенции. Больше ста лет в России идёт спор о том, является ли интеллигенция главной пружиной исторического развития или у неё менее масштабная задача – освобождение личности.

Выскажу своё мнение: для успеха всех грандиозных задач развития России – необходимы совместные действия российской интеллигенции и церкви в одном направлении.